

6. Казанцев А. В. Реформирование органов внутренних дел Российской империи в 60–80 гг. XIX в. // Молодой ученик. 2012. № 12. С. 394–397.
7. Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. М., 1992. 608 с.
8. Очкур Р., Кудрявцев Д., Пиоторовский В. Полиция России. Век XVIII – век XX. М., 2010. 510 с.
9. Путилин И. Сорок лет среди грабителей и убийц. М., 1889. 352 с.
10. Сгibnev A. C. Скорняков-Писарев и Дев'ятер в Сибири. 1727–1743 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 2. С. 444–450.
11. Щуров Г. С. История Отечества (1861–2005). Архангельск, 2006. 519 с.

REFERENCES

1. Gabidulin R. S. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava / pod red. d-ra yurid. nauk., prof. B. A. Spasennikova [History of the Russian state and law ; ed. by Dsc. in Law, prof. B. A. Spasennikov]. Moscow, 2012. 456 p. (In Russ.).
2. Gornostaev M. V. Gosudarstvennaya i obshchestvennaya deyatel'nost' F. V. Rostopchina v 1796–1825 gg. : dis. ... kand. ist. nauk [The state and public activity of F.V. Rostopchin in 1796–1825 : the diss. ... PhD. in History]. Moscow, 2003. 245 p. (In Russ.).
3. Zametki senatora P. S. Runicha o carstvovanii Ekateriny II [Notes of Senator P. S. Runich on the reign of Catherine II]. Russkaya starina – Russian antiquity. 1870. Vol. 2. Iss. 3. P. 163–174. (In Russ.).
4. Zemcov V. N. 1812 god. Pozhar Moskvy [1812 year. The fire of Moscow]. Moscow, 2010. 138 p. (In Russ.).
5. Izgoev A. P. A. Stolypin. Ocherk zhizni i deyatel'nosti [P. A. Stolypin. Essay of life and activity]. Moscow, 1912. 133 p. (In Russ.).
6. Kazancev A. V. Reformirovanie organov vnutrennih del Rossijskoj imperii v 60–80 gg. XIX v. [Reforming the bodies of internal affairs of the Russian Empire in the 60–80's XIX century]. Molodoj uchenyj – Young Scientist. 2012. Iss. 12. P. 394–397. (In Russ.).
7. Koshko A. F. Ocherki ugolovnogo mira carskoj Rossii [Essays on the Criminal World of Royal Russia]. Moscow, 1992. 608 p. (In Russ.).
8. Ochkur R., Kudryavcev D., Piotrovskij V. Policiya Rossii. Vek XVIII – vek XX [The police of Russia. Century XVIII – century XX]. Moscow, 2010. 510 p. (In Russ.).
9. Putilin I. Sorok let sredi grabitelej i ubijc [Forty years among robbers and murderers]. Moscow, 1889. 352 p. (In Russ.).
10. Sgibnev A. S. Skornyakov-Pisarev i Dev'er v Sibiri. 1727–1743 [Skornyakov-Pisarev and Devier in Siberia. 1727–1743]. Russkaya starina – Russian antiquity. 1876. Vol. 15. Iss. 2. P. 444–450. (In Russ.).
11. SHCHurov G. S. Istoriya Otechestva (1861–2005) [History of the Fatherland (1861–2005)]. Arkhangelsk, 2006. 519 p. (In Russ.).

УДК 343.41

Воспрепятствование проведению публичного мероприятия, совершенное должностным лицом: вопросы толкования объекта

Г. В. ГУТНОВ – соискатель Российского государственного университета правосудия, исполняющий обязанности старшего помощника прокурора Промышленного района г. Владикавказа Республики Северная Осетия – Алания

Реферат

Значимым вопросом уголовно-правовой характеристики воспрепятствования проведению собрания, митинга, шествия, демонстрации или пикетирования, совершенного должностным лицом, является установление объекта данного преступного посягательства. На основе правильного понимания объекта осуществляется квалификация преступления, его ограничение от смежных составов преступлений, решается вопрос об оценке общественной опасности.

С учетом современных достижений науки и материалов судебной практики в статье раскрывается авторское понимание содержания объекта преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, анализируется механизм причинения ему вреда. Доказывается, что воспрепятствование проведению публичного мероприятия, совершенное должностным лицом, является частным случаем ненасильственного злоупотребления или насилиственного превышения должностных полномочий, который оценивается законодателем как менее опасное деяние, чем предусмотрено ст. 285 или 286 УК РФ. С учетом конституционных положений о значимости прав человека предлагается увеличить санкцию в ст. 149 УК РФ, что позволит исключить постановку вопроса о квалификации содеянного должностным лицом по правилам совокупности преступлений.

Также исследуется вопрос о потерпевшем от преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ. В качестве такового могут выступать организаторы и участники публичных мероприятий: граждане Российской Федерации, а также иностранные граждане и лица без гражданства. Принимая во внимание данные о потерпевшем и его возможностях в защите своего права на свободу мирных собраний, предлагаются отнести данное преступление к категории преступлений частного обвинения.

Ключевые слова: воспрепятствование проведению публичного мероприятия; должностное лицо; конкуренция уголовно-правовых норм; частное обвинение.

Obstruction of a public event, committed by the official: questions of the object interpretation

G. V. GUTNOV – Applicant of the Russian State University of Justice, Acting Senior Assistant of the Prosecutor of the Industrial District of Vladikavkaz Republic of North Ossetia-Alania

Abstract

An important question of criminal and legal characteristics of obstructing the holding of meetings, rallies, processions, demonstrations or picketing, committed by the official, is the determination of the object of the criminal encroachment. On the basis of correct understanding of object qualification of crime, its separation from adjacent structures of crimes the question of public danger is resolved.

On the basis of the analysis the modern achievements of science and materials of judicial practice in article is revealed the author's understanding of the content of object of crime provided by Art. 149 of the Criminal Code of the Russian Federation, the mechanism of causing to it harm is analyzed.

It is proved that the obstruction of a public event, committed by an official, is a special case of non-violent abuse or violent abuse of power, which is assessed by the legislator as a less dangerous act than provided for in Art. 285 or Art. 286 of the Criminal Code. Taking into account the constitutional provisions on the importance of human rights, it is proposed to increase the sanction in Art. 149 of the Criminal Code, which will exclude the formulation of the question of the qualification of the committed by an official under the rules of the totality of crimes.

The question of the victim of a crime under Art. 149 of the Criminal Code is considered. As such can be the organizers and participants of public events: citizens of the Russian Federation, as well as foreign citizens and stateless persons. Taking into account the data on the victim and his or her ability to protect his or her right to freedom of peaceful assembly, it is proposed to classify the crime under Art. 149 of the Criminal Code as crimes of private prosecution.

Key words: obstruction of a public event; official; competition of criminal law norms; private prosecution.

В последнее время не вызывает сомнений не только сама необходимость уголовно-правового запрета на воспрепятствование публичным собраниям со стороны должностных лиц, но и неудовлетворительная оценка текущего состояния законодательства в этой области. «Опасность посягательств на политические права граждан состоит в том, что виновное лицо создает препятствия либо активно противодействует проявлению человека в качестве активного участника политической жизни общества» [10, с. 11]. Это в целом верное суждение следует дополнить и развить.

Опасность воспрепятствования проведению публичных мероприятий со стороны

должностных лиц заключается в том, что виновное лицо дважды нарушает свой правовой и конституционный долг. С одной стороны, выступая в «вертикальном» отношении «человек – государство» представителем государства, действующим от его имени, должностное лицо нарушает конституционную обязанность по признанию, защите, уважению прав человека и всемерному содействию в их реализации. С другой стороны, находясь на государственной службе, такое должностное лицо не исполняет своего долга и перед самим государством, осуществляя предоставленные ему полномочия вопреки интересам службы. Таким образом, происходит одновременно неис-

полнение обязанностей должностного лица перед государством и государства перед его гражданами.

Уточнение механизма причинения вреда правоохраняемым интересам в данном случае имеет большое значение, поскольку непосредственно определено качеством и содержанием правовой политики государства в целом.

И. О. Соломонидина, рассуждая о нарушении политических прав граждан, обоснованно отмечает: «В широком смысле нарушением политических прав граждан является всякое существенное отклонение законодательства от последовательного его подчинения идеи верховенства прав человека, приверженность в регулировании общественных отношений представлению о человеке лишь как о носителе обязанностей в политической жизни общества. В узком смысле нарушением политических прав следует считать создание препятствий в реализации гражданами их политических прав изданием нормативных актов, действиями должностных лиц либо других граждан» [10, с. 15–16].

Отсюда вполне закономерно следует, что в ситуациях, когда законами запрещены публичные мероприятия или для их проведения требуется разрешение со стороны государства, осуществляемое должностным лицом воспрепятствование свободному проведению публичного мероприятия выступает формой предписанного законами поведения, соответствует нормативным актам, принятым в стране. Вопрос об ответственности отдельных должностных лиц в таком случае требует специального обоснования. По общему правилу здесь можно рассуждать только об ответственности государства перед гражданами и (или) международным сообществом [8]. Персональная ответственность должностных лиц исключается ввиду того, что они исполняют законные предписания, находясь в официальном статусе, а сами эти предписания не содержат положений, которые можно было бы квалифицировать как предписание о совершении преступлений против мира и безопасности человечества.

Только в случае если поведение должностных лиц идет в разрез с нормативными правовыми актами и оно обладает признаком противоправности, можно вести речь об их персональной ответственности. Противоправность здесь означает, во-первых, предусмотренность такого поведения в уголовном законе в качестве правонаруше-

ния (преступления), во-вторых, нарушение должностным лицом норм позитивного права, призванных урегулировать процесс реализации гражданами своего права на мирные собрания [7].

Сказанное позволяет правильно понять содержание объекта преступления. Сегодня наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой в результате совершения рассматриваемого преступления нарушаются общественные отношения в сфере реализации гарантированного Конституцией Российской Федерации права граждан собираться мирно без оружия [3, с. 63; 5, с. 310; 6, с. 286–287; 9, с. 330]. Некоторые авторы относят преступление, предусмотренное ст. 149 УК РФ, к посягательствам на свободу мысли и слова [2, с. 23]. Но это редкое исключение, к тому же недостаточно обоснованное, поскольку свобода мысли и слова может выступать в нашем случае лишь в качестве дополнительного, но не основного объекта посягательства.

С учетом предписаний действующего законодательства, определяющего альтернативными признаками состава применение насилия или совершение деяния должностным лицом, правоведы также единодушны во мнении, что альтернативным дополнительным объектом преступления выступают общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения нормальной деятельности органов государственной власти либо органов местного самоуправления, или общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением здоровья человека.

В нашей концепции, согласно которой уголовно-релевантное воспрепятствование проведению публичного мероприятия может быть совершено только официальным лицом, оценка значимости этих объектов меняется. В частности, отношения, связанные с осуществлением государственной или муниципальной власти, необходимо признать обязательным дополнительным объектом, наличие которого отражает отмеченную выше вторую линию неисполнения долга.

Двухобъектный характер преступления ставит вопрос о том, как оно соотносится с должностными преступлениями, предусмотренными ст. 285 и 286 УК РФ. Чаще всего ст. 149 УК РФ рассматривается в качестве специальной нормы по отношению к предписаниям о должностных преступлениях. Однако вопрос о квалификации решается неоднозначно. Прежде всего, нет единства в понимании того, по отношению к какой

именно норме ст. 149 УК РФ выступает в качестве специальной. И. М. Тяжкова со-поставляет данную статью с положениями ст. 285 УК РФ [5, с. 312], А. В. Агафонов и А. В. Серебренникова – с положениями ст. 286 УК РФ [1, с. 55; 9, с. 335], а К. Г. Вдови-ченко – со всеми общими нормами о должностных преступлениях – ст. 285 и 286 УК РФ [3, с. 157].

К. Г. Вдовиченко отмечает, что совершение должностным лицом воспрепятствования проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них подлежит квалификации по ст. 149 УК РФ без совокупности с нормами о должностных преступлениях, тогда как И. М. Тяжкова полагает, что квалификация содеянного только по ст. 149 УК РФ при наличии признаков ст. 285 УК РФ «будет означать необоснованное смягчение ответственности лицам, совершившим весьма опасное преступление». О совокупности преступлений (ст. 149 и 286 УК РФ) в случае, когда должностное лицо применяет насилие, пишут А. В. Серебренникова и А. В. Агафонов.

Прежде всего, надо отметить, что, если речь идет о ненасильственном воспрепятствовании проведению публичного мероприятия со стороны должностного лица, содеянное им не может рассматриваться как превышение должностных полномочий. Оно образует частный случай злоупотребления полномочиями. Действительно, исходя из предписаний п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» такое воспрепятствование есть деяние, которое хотя и было непосредственно связано с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывалось служебной необходимостью и объективно противоречило как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями. В частности, воспрепятствование можно оценить как совершение входящих в круг должностных полномочий действий при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения.

Общность с составом злоупотребления проявляется и в оценке последствий преступления. Традиционный взгляд состоит

в признании состава преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, формальным по конструкции объективной стороны [4, с. 152]. На этой основе И. М. Тяжкова, решая вопрос о соотношении ст. 149 и 285 УК РФ, указывает, что воспрепятствование проведению публичного мероприятия предполагает отсутствие последствий, тогда как обязательным признаком преступления по ст. 285 УК РФ является причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан [5, с. 312]. Однако, по нашему убеждению, воспрепятствование осуществлению права на мирные собрания есть вместе с тем и существенное нарушение этого конституционного права. В п. 18 указанного выше постановления отмечено, что «под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации». Таким образом, вопрос о конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, может быть пересмотрен. Даже в отсутствие прямого указания на последствия в диспозиции нормы представить себе ситуацию, что воспрепятствование праву не причиняет вреда этому праву, объективно невозможно.

Таким образом, по признакам деяния и последствий ненасильственное воспрепятствование публичному мероприятию со стороны должностного лица может расцениваться как частный случай злоупотребления полномочиями. Такому выводу не препятствует и анализ субъективных признаков деяния. Хотя ст. 149 УК РФ не устанавливает требований к наличию корыстной или иной личной заинтересованности у субъекта деяния, безмотивным это преступление не может быть. Оно в любом случае совершается как минимум исходя из какой-либо личной заинтересованности. Под ней понимается стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.

Таким образом, по всем основным признакам ст. 149 УК РФ есть специальная норма по отношению к ст. 285 УК РФ в случаях,

когда речь идет о воспрепятствовании проведению публичного мероприятия должностным лицом без применения насилия или угрозы. Анализ санкций при этом показывает, что ст. 149 УК РФ является более мягкой нормой с максимальным наказанием в три года лишения свободы, тогда как ст. 285 УК РФ предусматривает максимальную санкцию в четыре года лишения свободы.

Если провести анализ насильственного воспрепятствования проведению публичного мероприятия со стороны должностного лица, то такое деяние с полным основанием можно рассматривать в качестве специального по отношению к ситуации превышения должностных полномочий, поскольку применение насилия при осуществлении должностных полномочий – это деяние, которое «никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать» (п. 19 указанного выше постановления). Анализ санкций также показывает, что закон признает ст. 149 УК РФ более мягкой нормой, нежели ст. 286 УК РФ.

Таким образом, воспрепятствование проведению публичного мероприятия, совершенное должностным лицом, является собой частный случай ненасильственного злоупотребления или насильственного превышения должностных полномочий, который оценивается законодателем как менее опасное деяние, чем предусмотрено ст. 285 или 286 УК РФ. Исходя из общих правил и принципов квалификации преступлений конкуренция общей и специальной нормы (ч. 3 ст. 17 УК РФ), конкуренция более жесткой и более мягкой нормы (ст. 49 Конституции Российской Федерации) должна разрешаться в пользу более мягкой и специальной нормы. Иными словами, в пользу ст. 149 УК РФ.

Такая ситуация не может быть признана удовлетворительной. Принимая во внимание конституционные предписания о том, что человек, его права и свободы являются в России высшей ценностью и приоритетным объектом охраны, прежде всего стоит обсудить вопрос о необходимости повышения максимального наказания в санкции ст. 149 УК РФ. Увеличение санкций позволит не только окончательно снять вопрос о совокупности преступлений и в квалификационном процессе сделать убедительным выбор в пользу специальной нормы, но и дополнительно легитимировать само наличие ст. 149 УК РФ в тексте закона. Дело в том, что эта норма, будучи расположенной в разделе закона о преступлениях против личности, с необходимостью предполагает, что само

преступление всегда направлено против конкретного человека или группы лиц. Фигура жертвы (потерпевшего) в данном случае всегда персонифицирована и, более того, может иметь потенциальное значение для реализации и дифференциации уголовной ответственности.

Согласно ст. 31 Конституции Российской Федерации право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование принадлежит исключительно гражданам России. Однако анализ федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» позволяет сделать вывод, что круг лиц, обладающих таковым правом, не ограничивается только гражданами. Закон в ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 6 допускает, что организаторами и участниками публичного мероприятия могут выступать члены общественных или религиозных объединений. В ст. 19 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» установлено, что их организаторами и участниками по общему правилу могут выступать как российские, так и иностранные граждане. И хотя ст. 27 этого закона допускает, что осуществление права проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование общественными объединениями, созданными иностранными гражданами и лицами без гражданства либо с их участием, может быть ограничено федеральными законами или международными договорами Российской Федерации, прямых предписаний ограничительного свойства в законе не содержится. Таким образом, иностранные граждане и лица без гражданства как участники общественного или религиозного объединения могут обладать правом на организацию публичных мероприятий и участие в них, а следовательно, могут быть признаны, при наличии к тому оснований, и потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ.

Заметим также, что федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» содержит дополнительные требования к возрасту организаторов публичных мероприятий (таковыми могут быть лица, достигшие 18 или 16 лет – в зависимости от формы проведения мероприятия), но умалчивает о минимально допустимом возрасте участников. Это обстоятельство также надо учитывать, причем как при решении вопроса о признании лиц потерпевшими, так и при установлении признаков незаконности в действиях должност-

ных лиц по воспрепятствованию проведения публичного мероприятия (в частности, воспрепятствование организации демонстраций, шествий и пикетирований, когда организаторами выступают лица, не достигшие 18 лет, не может быть признано незаконным и само по себе не содержит признаков преступления).

Таким образом, потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, могут выступать организаторы и участники публичных мероприятий: граждане Российской Федерации, а также иностранные граждане и лица без гражданства, если они выступают в качестве членов общественных или религиозных объединений, обладающие в определенных законом обстоятельствах возрастом 16 или 18 лет.

При этом заметим, что в ситуации множественности жертв (когда имеет место отказ нескольким заявителям, когда препятствие осуществляется в отношении нескольких граждан, когда в результате воспрепятствования несколько лиц лишились возможности реализовать свое право) не создается множественность преступлений, при условии что речь идет об одном решении должностного лица. Однако все лица, лишенные своего права на мирные собрания или ограниченные в его осуществлении, могут быть и должны быть признаны потерпевшими от преступления.

В связи с тем что воспрепятствование проведению публичного мероприятия имеет четко персонифицированного потерпевшего, встает вопрос о необходимости наличия в законе ст. 149 УК РФ, которая является собой лишь частный случай превышения или злоупотребления должностными полномочиями. Как известно, выделение специальной нормы является обоснованным, если она, описывая специфическую разновидность однотипных преступлений, отражает перепад в параметрах их общественной опасности. Вряд ли законодатель, установив пониженную санкцию в ст. 149 УК РФ, считает воспрепятствование проведению публичных мероприятий действительно менее опасным преступлением, чем злоупотребление или превышение полномочий. Признание этого факта означало бы неуважение к правам человека и недооценку их значимости в современном правовом государстве. Поэтому поставленный вопрос будем рассматривать с учетом предложенного выше повышения санкций в ст. 149 УК РФ.

Особенность исследуемого преступления состоит в том, что в отличие от общих

должностных преступлений в нем иначе расположены акценты в приоритетности объектов охраны: личность и права человека – на первом месте, интересы государственной и муниципальной службы – на втором. Однако в оценке этого преступления против личности государство взяло на себя роль публичного обвинителя, оценщика причиненного вреда, определив, что преступление, предусмотренное ст. 149 УК РФ, относится к разряду преступлений «публичного обвинения» (ст. 20 УПК РФ). Из числа преступлений против конституционных прав только посягательства на некоторые личные и экономические права признаны преступлениями частно-публичного обвинения (ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ч. 1 ст. 145, ст. 146, ч. 1 ст. 147 УК РФ). В науке это обстоятельство редко оспаривается. Между тем некоторые специалисты, на наш взгляд, совершенно правильно отмечают: «Широкая система уголовно-правовых запретов, охраняющих порядок реализации гражданами своих политических прав, является следствием ориентации законодателя на человека как такого несамостоятельного индивида, многие поведенческие акты которого требуют нормативной регламентации. Представляется, что этот метод защиты политических прав граждан не соответствует содержанию современного политического статуса человека, он характерен для той стадии развития общества, когда личность воспринималась главным образом как управляемая единица» [10, с. 17–18]. Отсюда им видится «закономерным сокращение вмешательства уголовного права в формирование политического сознания общества» и «желательность постепенной замены этого метода охраны политических прав судебной защитой». Уголовный закон может являться только вспомогательной формой защиты политических прав граждан, в противном случае он может быть легко использован как средство политической борьбы.

Изложенное требует поддержки и развития. Описанная ситуация в существенной степени изменилась в связи с принятием и вступлением в силу Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, который создает дополнительные возможности для судебной защиты прав граждан, в том числе и права на мирные собрания. Сегодня складывается ситуация, при которой нарушение должностными лицами законодательства о свободе собраний подпадает под действие либо уголовного закона, либо административно-деликтного

законодательства. Плюс к этому действия должностных лиц могут быть оспорены в административном порядке. В соответствии с ч. 1 ст. 218 КАС РФ гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности. Как показывает анализ судебной практики, этим правом граждане пользуются весьма активно.

Важно заметить, что административный способ защиты не заменяет собой возможности защиты нарушенного права в порядке уголовного или административно-деликтного законодательства в случаях, когда в действиях должностных лиц имеется соответствующий состав правонарушения. Это параллельные правовые гарантии, которые требуют особого понимания в установлении их пределов, вытекающих из предписаний законов относительно преюдициального значения судебных решений.

В связи с появлением административной процедуры защиты прав граждан КАС РФ в ч. 3 ст. 64 указал, что вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, постановление суда по делу об административном правонарушении являются обязательными для суда, рассматривающего административное дело об административно-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесены приговор и постановления суда, только по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они этим лицом. Аналогичным образом в ст. 90 УК РФ определено: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом ст. 90 УК РФ следует толковать в единстве с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 №30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко», согласно которому пределы действия преюдициальности судебного решения объективно определяются тем, что

установленные судом в рамках его предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства. Поэтому в уголовном судопроизводстве результатом межотраслевой преюдиции может быть принятие судом данных только о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, установленного в порядке гражданского (вероятно, можно добавить – и административного) судопроизводства, но не его квалификация как противоправного, которая с точки зрения уголовного закона имеет место только в судопроизводстве по уголовному делу.

Таким образом, решение суда, принятое в порядке КАС РФ по иску о защите прав гражданина от неправомерных действий должностных лиц, не предрешает вопроса о виновности этих должностных лиц в совершении правонарушений, предусмотренных УК РФ или КоАП РФ. В реальности же складывается совершенно иная ситуация. При подготовке публикации были исследованы материалы 58 дел, рассмотренных в порядке КАС РФ, по искам граждан на решения органов власти и управления в части нарушения их права на свободу мирных собраний. Практически во всех решениях (99 %) в иске было отказано, тем самым действия должностных лиц были признаны непротивоправными с точки зрения соблюдения федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетирований». Такое решение административного суда воспринимается как формальный повод к тому, чтобы исключить возможность последующего рассмотрения и оценки поведения должностных лиц в порядке уголовного или административно-деликтного законодательства. Юристы, как правило, считают нецелесообразным и бесперспективным возбуждать, расследовать и направлять в суды в подобных ситуациях дела о преступлениях по тем же самым фактам поведения должностных лиц, что вполне закономерно объясняет отсутствие в судебной практике дел о преступлениях должностных лиц против права граждан на мирные собрания. Сами же граждане фактически лишены возможности инициировать проверку поведения должностных лиц на предмет наличия в них признаков преступления.

Полагаем, что это не в полной мере отвечает приоритетной задаче государства по защите прав человека в стране. Исправлению ситуации, думается, будет служить отнесение преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, к категории преступления частного обвинения. Реализация этого предложения позволит активизировать позицию граждан в деле защиты своих прав,

устранить ведомственную незаинтересованность в расследовании уголовных дел в случаях наличия решения административного суда в пользу государственного или муниципального органа, легитимировать наличие в структуре УК РФ отдельной, специальной нормы о воспрепятствовании проведению публичного мероприятия со стороны должностного лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов А. В. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Красноярск, 2005. 133 с.
2. Амрахов Н. И. Права и свободы человека и гражданина как объект уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 190 с.
3. Вдовиченко К. Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 221 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017. Т. 2. Особенная часть. Разд. VII–VIII. 371 с.
5. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3. 468 с.
6. Мачковский И. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 432 с.
7. Пудовочкин Ю. Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 70–81.
8. Романова В. В. Юридическая ответственность государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 25 с.
9. Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 475 с.
10. Соломонидина И. О. Уголовно-правовая охрана политических прав граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 25 с.

REFERENCES

1. Agafonov A. V. Prestupleniya protiv konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen]. Krasnoyarsk, 2005. 133 p. (In Russ.).
2. Amrafov N. I. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina kak ob'ekt ugolovno-pravovoij ohrany : dis. ... kand. yurid. nauk [Rights and freedoms of man and citizen as an object of criminal-legal protection : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2006. 190 p. (In Russ.).
3. Vdovichenko K. G. Ugolovno-pravovoe protivodejstvие prestupleniyam v sfere organizacii i provedeniya publichnyh massovyh meropriyatij : dis. ... kand. yurid. nauk [Criminally-legal counteraction to crimes in sphere of the organization and carrying out of public mass actions : the diss. ... PhD. in Law]. Krasnodar, 2015. 221 p. (In Russ.).
4. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii : v 4 t. / otv. red. V. M. Lebedev [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation : in 4 vol. ; ed. by V. M. Lebedev]. Moscow, 2017. Vol. 2. 371 p. (In Russ.).
5. Kurs ugolovnogo prava. Osobennaya chast' / pod red. G. N. Borzenkova i B. C. Komissarova [The course of criminal law. The special part ; ed. by G. N. Borzenkov and B. C. Komissarov]. Moscow, 2002. Vol. 3. 468 p. (In Russ.).
6. Machkovskij I. G. Prestupleniya protiv konstitucionnyh prav cheloveka i grazhdanina: problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya : dis. ... d-ra yurid. nauk [Crimes against the constitutional rights of man and citizen: the problems of theory and practice of legal regulation : the diss. ... of Dsc. in Law]. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.).
7. Pudovochkin YU. E. Protivopravnost' kak priznak prestupleniya: opyt analiza, problemy, perspektivy [Illegality as a sign of crime: experience of analysis, problems, prospects]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – The All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12. Iss. 1. P. 70–81. (In Russ.).
8. Romanova V. V. YUridicheskaya otvetstvennost' gosudarstva : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Legal responsibility of the state : author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Kazan, 2007. 25 p. (In Russ.).
9. Serebrennikova A. V. Ugolovno-pravovoe obespechenie konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina po zakonodatel'stu Rossijskoj Federacii i Germanii : dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminal legal support for constitutional rights and freedoms of a person and citizen under the laws of the Russian Federation and Germany : the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2008. 475 p. (In Russ.).
10. Solomonidina I. O. Ugolovno-pravovaya ochrana politicheskikh prav grazhdan : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal legal protection of political rights of citizens : author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1993. 25 p. (In Russ.).